

РЕГИОНАЛЬНАЯ СКАЗКА СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

ББК 82 (2Р54)
УДК 398(571.5)

Р. П. МАТВЕЕВА
(Улан-Удэ)

БЫТОВАНИЕ РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ТАЕЖНО-ПРОМЫСЛОВОЙ ЗОНЫ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА¹

Аннотация. В статье представлена прибайкальская сказочная традиция в контексте времени и среды бытования, показана судьба русской классической сказки в условиях тесных жизненных контактов с иноэтнической средой.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, традиция бытования, сказочники.

Первые письменные свидетельства о русских сказках Сибири и упоминания о сибирских сказочниках довольно поздние — первая половина XIX в., русские сказки в притаежно-промысловых селах Восточной Сибири в то время еще активно бытовали во всех видовых формах. Значительная часть репертуара принадлежала волшебным сказкам, т. е. собственно сказкам, как называются они в указателях. О них и пойдет речь в статье.

При повсеместном затухании народной сказочной традиции век русской восточно-сибирской сказки продолжался до последней четверти XX в., а в отдельных местах записи были сделаны в конце XX — начале XXI в. В Прибайкалье сказки можно было услышать в живом исполнении народного сказочника и в конце XX в., хотя не всегда в ес-

¹ Работа выполнена в рамках поддерживаемого РГНФ проекта № 12-04-00107а.

тественных условиях их традиционного бытия. Прибайкальская сказочная традиция по объему собранного материала сопоставима с наиболее развитыми и в достаточной степени представленными в сказковедении фольклорными зонами Сибири. Известны записи сказок в Прибайкалье с начала XX в. по 1990-е гг. фольклористов: М. К. Азадовского, А. М. Астаховой, Г. С. Виноградова, А. В. Гуревича, Р. П. Матвеевой, Н. В. Соболевой, Л. Е. Элиасова, И. З. Ярневского; этнографа М. А. Бородкиной, диалектолога В. А. Малаховского, учителя А. А. Соболева и других собирателей. Особенно большой материал был собран в 1920—30-е гг., когда сказка здесь еще жила полнокровной и в какой-то степени продуктивной жизнью.

В 1925—1927 гг. выпускник Петербургского университета иркутянин Марк Азадовский и иркутский фольклорист Георгий Виноградов вели фольклорно-этнографические исследования в Тункинском крае. Вопреки утвердившемуся мнению об отсутствии поэтической жилки у сибиряков, о всеобъемлющем практицизме и молчаливой угрюмости характера жителей таежного края исследователи обнаружили здесь богатую фольклорную традицию. Г. С. Виноградов в отчете о работе в Тункинском крае летом 1925 г. писал о местных народных музыкантах и певцах, «чудиках» и «балагурах», обратив особое внимание на широкое распространение сказок («почти в каждом селе называли популярных сказочников»), привел список певцов и сказочников [Виноградов 1926, 161]. Тогда и была «открыта» М. К. Азадовским целая галерея сказочников и среди них одаренная семья музыканта-скрипача и сказителя Ивана Федоровича Сороковикова [Азадовский 1926]. Великолепной сказочницей была его дочь Марфа Ивановна Нефедьева,

веселым «посказателем», балагуром, любимым участником деревенских «бесед» слыл старший сын Иван Иванович и как серьезный сказочник, а еще и музыкант, книжник, колдун и знахарь славился среди местных жителей самый талантливый из детей — младший сын Егор Иванович, известный впоследствии повсеместно сказочник Магай.

По сути, это было началом исследования русских сказок Прибайкалья.

Русские сказки в Прибайкалье, как и в других промысловых зонах Восточной Сибири, оказались в более благоприятных условиях бытования, чем в других районах России, поэтому сохранили до конца XX в. в своем фонде не только основной сюжетный состав, но и художественную систему с ее формульной стереотипией, поэтической обрядностью классического сказочного повествования. Условия притаежного быта способствовали сохранению среды бытования прозаического фольклора: добывающий промысел, требующий длительной совместной жизни в лесу охотников, лесозаготовителей, часы досуга байкальских промысловиков, нередко вынужденного из-за непогоды.

Рассказывание сказок, распространенное среди охотников, было вызвано не только спецификой промысла, создающей вынужденный досуг, но и в какой-то мере воспринятым русскими обычаям бурят рассказывать сказки для мифологического хозяина — хангая, чтобы он способствовал удачной охоте. Этот обычай в 1915 г. описала местная жительница, краевед Б. Косыгина: «Вечером на досуге обычно говорят сказки, поют песни, играют на балалайках и самодельных скрипках со струнами, скрученными из конского волоса или тонких кишок овцы. Все эти забавы считаются необходимыми для того, чтобы хангай (хозяин леса) дал больше белки и соболя» [Косыгина 1915, 24]. Автор отмечает, что русские переняли обычаи от бурят и делают то же самое с небольшими изменениями. Под влиянием мифологического мышления, характерного для соседних народов, отчасти возродилась древняя продуцирующая функция в сказочной традиции русских промысловиков, новые смыслы получила традиционная вера в хозяев стихий. Вплоть до 1930-х гг., по вос-

поминаниям тункинцев, сохранялась сакральность в бытовании сказок как у русских, так и у бурят. В 1970-е гг. в Тункинской долине от русских охотников автором записаны рассказы об обычаях и обрядах, связанных с охотничьим промыслом, и сами воспринятые от бурят тексты обращений к хангаю: «*Баян саган Хангаэ. Барит манаэ ургэл. Багашье, ехэшье хаань...*» (Богатый белый хозяин, прими наши жертвы, большие и маленькие...) (Зап. от М. Д. Софина, с. Кырен, Тункинский р-н. 1970 г. Соб. Р. П. Матвеева) [ЛАА]. Далее говорится о цели приезда, излагается просьба. Нередко бурятские охотники рассказывали бурятские сказки по-русски, а русские — по-бурятски.

Обстоятельства, продлившие местное сказочное бытие, раскрывают живые воспоминания о сказках и сказочниках, чье художественное творчество проявилось «на промысле». «*Раньше было одно удовольствие — сказки, всю ночь рассказывали, ввали. Песня, говорят, правда. Сказка — ложь. Охота — известное дело, теперь промышляют, а в то время — юрта, костерочек маленький, вот и вертисся*» (Зап. от баргузинского охотника И. Е. Шелковникова, 1912 г. р. 1982 г. Соб. Р. П. Матвеева) [ЛАА]. «*Придет сезон, осень, идешь на охоту, собаки были хороши у меня, с месяц в отпуске проведешь, соболя добывали, белку. Которы мастера рассказывать сказки. Недаром говорится: хочешь врать — записывайся в охотники. Ион Колмаков был, до того врет! Да так складно. Придет: "Знаете чо, ребята, вот со мной приключилось..." — и пойдет и пойдет рассказывать*» (Зап. от баргузинского охотника С. А. Распопова, 1905 г. р. 1982 г. Соб. Р. П. Матвеева) [ЛАА].

Об артельных сказочниках, заполнявших своими сказками часы отдыха или пережидания непогоды байкальских рыбаков, помнили и охотно рассказывали жители с. Байкальское Северо-Байкальского р-на: «*Посказатель был Прусов. Про Ивана-царевича рассказывал, по всей ночи рассказывал. Мы-то с ним на рыбалке были, — делился с нами воспоминаниями в 1978 г. М. М. Вокин. — Как с вечера начнет так до утра рассказывает... Он не так что болтал, а заслушаешься, не один я — полна изба. Интересно у него получалось: двенадцать*

подруг — Иван-царевич седлал коня. Змеи трехглавые, семиглавые. Раньше старики неграмотные были, а память была — черт его знает! Рассказывали сказки! У Ивана Васильевича все слово в слово!» [ЛАА].

Собиратели записали множество подобных воспоминаний в те годы, когда сказку почти невозможно было услышать в естественных условиях. В первой половине XX в. рассказывание сказок в промыслово-таежной зоне было не только одной из форм проведения досуга, но и неотъемлемой частью обыденного уклада жизни. Много лет живший в рыбацьем поселке Баргузинского р-на учитель А. А. Соболев записал рассказы промысловиков о бытовании фольклора. Они представляют собой живые свидетельства жизненной необходимости сказок в таежном быту. Охотники на соболя с осени (до Покрова за неделю) уходили в тайгу, а возвращались на Пасхе. «А зимняя ночь — год, а в ней ни печки железной, ничо. Пусто. Всю ночь этот огонь и жжешь, То спишь, то сидишь, то чай варишь. Сваришь, напьешься, покуришь — не спится. А живешь втроем, вшестером. Кто-нибудь просит: “Расскажи чо-нибудь!” и начинаешь сказки рассказывать. Час, другой, третий — и время скорей бежит. Сказок много знал, и память богатая была. Услышу новую, через полгода попроси — слово в слово расскажу. <...> И хотелось запоминать: ценили охотники сказки» (Зап. от баргузинского охотника Ф. Д. Реховского, 1901 г. р. 1973 г.) [Соболев 1981, 77].

Были и другие факторы, которые способствовали долгой жизни сказочной традиции в промысловой зоне, сохранению в ней главного вида сказочного жанра — волшебных сказок. Немалый вклад в местные сказочные традиции внесли сказочники, которым сказки помогали выживать в трудных сибирских условиях. Благодаря своему сказительскому таланту они находили приют и ночлег, а заодно и вносили свою лепту в развитие сказочной традиции. О «бродяжьей стихии» как о сильной струе в сибирском сказотворчестве писал М. К. Азадовский [Азадовский 1925, VI—VII]. Принесенные «поселенцами», «рассейскими» ссыльными, сказки пополняли местный сказочный репертуар. Многие местные сказочники научились сказыванию у ссыльных по-

селенцев, бродяг. Яркую зарисовку сказывания бродячего сказочника оставил проживший два года в Тункинской долине в конце XIX в., интересовавшийся хозяйственной и культурной жизнью населения Н. М. Астырев. «— Кто этот старик у вас там, на печке? — А это слепенький старичок, из поселенцев здешних, — отвечает хозяйка, — смиренный такой; дивно² времени живет уж у нас: вот третий год пошел. Сначала все по людям ходил, где день проживет, где и неделю, потому мастер сказывать ребятам сказки... Пра, наши-то старики этого не умеют: сами его в иную пору слушают, не отзовешь никак. Ходил он и к нам: когда недельку поживет, когда и две; да вот грех с ним случился: упал как-то и ногу себе дюже зашиб. Так с тех пор у нас и живет — ходить уж почти что не может. Да мы — ничего, не обвест нас, семья у нас большая, его еду, почитай, и не видать; а ребяташки-то к нему страх охочи: зимою все около него трутся да сказки эти слушают, от соседей иной раз наберется десяток целый. Ничего, пущай живет, пока Господь жисти дает» [Астырев 1891, 174].

От прибывшего к семье бродяги по прозвищу Якуня-Ваня — синь кафтан выучилась сказкам баргузинская сказочница М. З. Колмакова (1895 г. р.). Якуня-Ваня прожил в ее семье 15 лет, помогал по хозяйству, нянчился с детьми, сказки рассказывал, да так, что и в 1980-е гг. односельчане о них отзывались с восторгом, вспоминали сказки, не помня даже настоящего имени сказителя. Известный в Баргузинской долине «посказатель» А. А. Хлескин (1887—1974) из с. Макарынино сказки выучил в детстве от ссыльного поселенца Палагина, но творчество его развивалось в рамках традиции сказочников-промысловиков. Он вспоминал: «На рыбалке, с бригадой ходил, дак все имя рассказывал сказки эти разны. Нагребут рыбы и поят-кормят, хоть месяц живи, только рассказывай. Молодежь собиралась сказки слушать <...> Сидит, сидит, его уже жена потеряет» [ХВРК. № 3272. П. 3. Л. 30].

В 1981—82 гг. в с. Б. Уро Баргузинского р-на мы работали с одним из наследников традиции бродячих сказочников — Иваном Ивановичем Гасковым (1908 г. р.). «Сказочник тот же артист,

² Дивно (димно) — много.

сказку можно приумножать» — таково эстетическое кредо И. И. Гаськова. Он со сказкой обращался очень свободно: образы, эпизоды с легкостью переходят из одной сказки в другую, сказочник не пытался вспомнить, «как должно быть», а рассказывал, «как получится», нередко ведя рассказ от первого лица. Делая повторную запись сказки через два-три дня после первого прослушивания, я указала сказочнику на разночтения в его рассказе, на что сказочник, ничуть не смутившись, ответил: «Какой лучше подходит (рассказ. — Р. М.), тот бери, товар лучший вытаскивают, когда продают». При этом в сказках соблюдены эпическая обрядность и традиционный стиль с поэтическими формулами, стереотипными речами персонажей, трехкратными повторениями («Шел он долго ли, коротко ли — не так сказка сказывается, как дело делается», «Фу, фу, русским духом пахнет». — «Ты по Руси летал, русского духу нахватался», «Стукнул-брякнул в колечко — выходит красавица на крыльцо» [ЛАА]). Сказки традиционны для самого исполнителя, но не для всей локальной традиции. Варианты, близкие по сюжетному составу к сказкам И. И. Гаськова, в локальной традиции более не зафиксированы.

Всё это приметы традиции бродячих сказочников.

Среди сказочников-промысловиков были не только большие мастера, выдающиеся сказочники, но и рядовые рассказчики, которые, не выделяясь особым талантом, могли заполнить вынужденный досуг. «Смолоду часто рассказывал, время провести надо, так начнешь бормотать, все слушают. Раньше рыбачить ездил, так вечером: “Кто сказки знает?” — Ну и начнешь» (Зап. от Н. Н. Ларионова (1885—197?), с. Шимки Тункинского р-на Республики Бурятия. 1971 г.) [ЛАА]. И все-таки в артели старались заполучить хорошего сказочника. Охотник из тункинской долины М. Д. Софин рассказал нам в 1971 г.: «Раньше рассказывали сказки на охоте. Сказочника уважали. На почете был, не давали ему ни заряды делать, ни дрова готовить. После ужина, кто пули льет, кто заряды делает, а он рассказывает. Быть может и охотник плохой, сказки рассказывает — его берут и поровну делят пай». Сказывание сказок среди

промысловиков было до некоторой степени профессиональным. Есть немало свидетельств о том самих сказочников. «Народ меня постановил. На неводах, везде просят, бывало: пей, ешь, бери рыбы сколько угодно, только, пожалуйста, рассказывай. Рыбу давали целыми мешками, только рассказывай сказки... Они меня то в одну, то в другую, то в третью бригаду зовут. Я все больше у адамовских (с. Адамово. — Р. М.) был, те уж любопытно шибко слушали мои сказки. И сейчас ишо просят. Как увидят, говорят: “Но, скоро к нам приедешь рассказывать сказки”» [Соболев 1981, 72—73].

Сказки промысловой зоны байкальского региона при традиционности фольклорного стиля и содержания отличаются глубокой индивидуальностью, поскольку среди сказочников в силу уже указанных причин шел «профессиональный» отбор. Как бы ни были разнообразны индивидуальные качества сказочников в сфере художественного творчества, в социально-психологическом контексте общения и взаимодействия с аудиторией видны определенные, обусловленные локальной традицией форма и стиль поведения, отношения к сказочному исполнительству. Если рассматривать творчество сибирских сказочников по их отношению к локальной традиции, а также по функциям в сложном, многомерном пространстве культурных интересов окружающей среды, то для прибайкальской сказительской практики характерны главным образом три типа сказочников. Первый тип — это сказочники, заполнявшие вынужденный досуг во время промысла, работы артелями на охоте, рыбалке, лесозаготовках. Они рассказывали в долгие зимние вечера, во время спокойного коротания времени на охоте. Сказочники второго типа выступали во время досуга в повседневной жизни. Отличительная черта их сказок — высокая художественность, красочность языка, сохранность эпической обрядности, бережное отношение к канве повествования. Третий тип — это носители традиции бродячих сказочников, добывавших исполнительством пропитание.

Распределение сказочников по трем типам нельзя абсолютизировать. Один и тот же сказочник мог представлять и тот и другой тип. Например, Магай —

сказочник, в равной степени принадлежавший первому и второму типам. Причем здесь нет прямой зависимости от принадлежности сказочника к той или иной социальной категории людей: сказочник мог не быть ни охотником, ни рыбаком, а лишь выразителем определенной эстетической традиции.

Для первой группы сказочников характерны сказки с занимательным, острым сюжетом, запутанной фабулой, неожиданным поворотом действия, юмористические сказки с так называемой «соромшиной», сказки, предназначенные для мужской аудитории, а также эпически спокойные повествования с неторопливо развертывающимися событиями. Яркими представителями этого типа были известные тункинские сказочники Е. И. Сороковиков-Магай, И. И. Сороковиков, Г. А. Тугаринов, И. Т. Загребнев; баргузинские сказочники И. П. Чирков, К. А. Меньшиков, А. А. Хлескин.

Промыслово-таежный быт был объективным положительным обстоятельством, способствовавшим сказкотворчеству, он вызвал импульс к созданию новых вариантов на основе старых. Выделение в качестве доминанты художественной функции способствовало проявлению индивидуального мастерства, которое повлияло на развитие сказочного повествования, в том числе и за счет соединения в одном произведении нескольких сюжетов. В охотничьем зимовье в долгие зимние вечера эстетическим запросам слушателей отвечала длинная сказка с запутанным фантастическим ходом событий: *«Были таки сказки, что за три вечера только можно ему кончить, — вспоминал баргузинский сказочник В. Е. Меньшиков. — У меня тоже потом были волшебны царски»* [Соболев 1981, 77].

Местная специфика бытования сказочной традиции, таким образом, коснулась сюжетно-композиционной структуры стереотипного сказочного повествования. Но личное художественное творчество одаренных сказочников не нарушало целостности сказочной системы, удерживало сказку в рамках фольклорной стереотипии. Это соответствовало неременному требованию слушателей сохранять традиционность повествования («слово в слово расска-

зал» — высшая оценка слушателей). В устах настоящего сказочника соединение в одном повествовании нескольких сказок не нарушало «внутреннего эстетического единства и единичности смысла поэтического произведения» (В. В. Виноградов). В многосюжетном тексте каждая включенная в общую систему сказка становилась его элементом и подчинялась внутренним связям всех элементов новой системы, сохраняя типовую композиционную схему.

Тенденция к контаминации связана в первую очередь с творчеством «бродячих сказочников», их многосюжетные произведения со временем органично вошли в местный сказочный репертуар. Носители бродяжье-поселенческой традиции в наименьшей степени, по сравнению со сказочниками, чье творчество протекало среди промысловиков, были привязаны к локальной традиции. Знание множества сказок давало исполнителю возможность варьировать, не закрепляя раз и навсегда созданное произведение. Исполнителю *«на промыслу»* надо было рассказывать в рамках постоянно существующей традиции и, конечно, иметь канонический текст, ибо аудитория была постоянной, слушатели ожидали определенного развития действия. Бродячий же сказочник менял аудиторию, и его сказки шли как бы со стороны, поэтому, легко приспособив сказку к данному моменту, он создавал новый вариант, не связывая себя местными традиционными стереотипами разработки сюжетных тем.

Процесс контаминации свидетельствует о развитии художественном мышлении носителей фольклора и представляет собой последнюю стадию сказочного творчества, вершинную точку художественной практики одаренных сказочников. Высокого творческого мастерства достигли контаминации сказки известных тункинских и баргузинских сказочников — Е. И. Сороковикова-Магай, Д. С. Асламова, А. А. Шелеховой, Г. А. Тугаринова, И. П. Чиркова, К. А. Меньшикова, А. А. Хлескина.

Сказочники-промысловики, как правило, прекрасно владели художественными средствами классической волшебной сказки: использовали дословные повторения, стереотипные речи персонажей, переходные фразы, поэти-

ческие формулы, постоянные эпитеты, яркие сравнения, красочные описания. Наряду с традиционными, широко употребляемыми («Сивка бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит...»); «Стали оне жить-поживать, добра наживать да лиха изживать»), использовались редкие, индивидуальные стилистические формулы («здрел бы, смотрел и ясных очей не сносил...»). Пример проявления личного художественного творчества в традиционном стиле сказки Д. С. Асламова — формула «благодарение лошадке»: «Благодарю, тебя, лошадка, прокатил меня хорошо, мой любезный конь-сивка. Побегай, мой конь, в широкое поле, в чистое раздолье, ешь траву шелковую, пей воду ключевую...». Особенно многообразны по своим формам и содержанию поэтические финальные формулы. «Ну, я с имя вместе был. Чай пил, вино кушал. Но рюмка в рот не попала»; «И жил Иван-царевич до глубокой старости»; «Нас ничто не держит: ни горы, ни доли, ни моря — на то мы пошли на белый свет от Господа Бога» (Д. С. Асламов); «Вот она жить да быть и до теперя живет. И я у ей в гостях была, чай пила с молоком и пенками!» (А. А. Шелехова); «Не пива варить и не вина варить, а был пир-пиром и свадьба-свадьбой — и я на свадьбе была, вино-пиво пила, по волосам текло, а в рот не попало. Дали мне ледяного коня и морковную плетку. Вот я и ехала со свадьбы, у путе овин горит, заехали на пожар, оставили коня — конь мой растаял, а плетку морковную свины стели, осталась не причем, все мое и кончилось» (А. А. Шелехова).

Занимательность, художественность, с одной стороны, и соотнесенность с реальностью — с другой, стали основными критериями в оценке слушателями волшебной сказки в период глубоких изменений в ней — в XIX—XX вв. Каким бы фантастическим ни было сказочное повествование, оно входило в рамки привычного мира вещей, чувств и отношений. Волшебные сказки сохранили воспоминания о тех временах, когда первым засельщикам приходилось отвоевывать землю у тайги, расчищать место для пашни. Тункинский сказочник Г. А. Тугаринов начинает традиционную классическую сказку на сюжет СУС 531 «Конек-горбунок» с характерной предыстории: «...Вот оне

живут-поживают, добро наживают. Дети растут, больши стали. Пашни мало было, отец думал-думал, взял топор, отправился в тайгу. Подглядел себе местечко, приходит домой, детей собрал, пошли шиотку чистить. Шиотку вычистили коло десятины, спяхали ее. На другой же год спяхали, взяли посеяли пшеницу белоярову, и отец ходит смотрит. Не по дням, по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет, так эта пшеничка растет...» [Матвеева 1984, 182]. Сибирский колорит, проявившийся в бытовых деталях, отражающих пищу, одежду, ситуациях, связанных с земледелием, обрядами, «ямщиной», лесным промыслом, охотой, естественно вошел в художественный мир волшебных сказок. В традиционное волшебное повествование А. А. Хлескина органично вписалась характерная для сибирской притаежной жизни бытовая зарисовка: лишенный силы герой «выкопал себе землянку и начал жить. Посадил репу, капусту, морковь. Стал в тайгу ходить, стал рыбу ловить». Так в Сибири поступали бывшие каторжники, бродяги.

Элементы, связанные с реальными жизненными обстоятельствами, всё больше вводятся в традиционную поэтику сказочного стиля. Локальный колорит привносится и через включенные в сказку пословицы, загадки, заговоры, песни и даже описания обрядов и обычаев. Пример такого описания — в сказке тункинского сказочника Г. А. Тугаринова. Исполнитель с этнографическими подробностями развертывает эпизоды сватовства, подготовки к свадьбе, выборов тысяцкого, приглашения гостей, угощения их, продажи косы невесты. Мать героя приходит к царю свататься: «Заходит она в помещение, богу помолилась, на все четыре стороны поклонилась и наверх смотрит: где тут матня — не ошибиться бы, прямо под матней сесть — свататься ведь пришла... Сваталась она так: «Наш петушок, ваша курочка, наш петушок желает потоптать вашу курочку! Мой Петр Иванович желает на Елене Ивановне законный брак принять». Государь тогда захохотал и убежал в кабинет» [Памятники 1983, № 22].

Локальная приуроченность действия в волшебном повествовании проявилась в использовании местных названий, например, в сказке баргузинского ска-

зочника И. И. Гаськова — Максимиха, Большое Уро, Малое Уро, Устье, Байкал. В классической сказке на мировой сюжет СУС 502 «Волшебное кольцо», рассказанной Г. А. Тугариновым, змей увозит царевну не за фантастические моря и горы, а за Байкал. Местные топонимы, подменяющие устойчивую сказочную топику (моря и горы, города и села), осваиваются традиционным контекстом и знакомые слушателям местные реалии приобретают характер фольклорных обобщений, создающих традиционную сказочную стереотипию, и в то же время раскрывают локальную специфику сказок. Это наглядно видно при сопоставительном анализе текстов, зафиксированных в Прибайкалье, с текстами других фольклорных зон.

По характеристикам сюжетного репертуара прибайкальская сказочная традиция адекватна восточносибирской региональной традиции, а сказки соотносимы с восточнославянским сказочным фондом, отмеченным в «Сравнительном указателе сюжетов» (СУС). Проработка конкретных текстов, наборов сюжетов, составляющих местные сказочные репертуары, выявляет самобытность сказочной традиции, которая заключена не только в бытовых реалиях, отраженных в текстах, но и в сюжетном отборе, местных версиях и вариантах известных сюжетов. Каждый текст сам по себе уникален, он представляет одну из реально существующих форм определенного сюжетного типа. Среди них сюжеты, широко распространенные в сибирском репертуаре и редкие в нем, классические в своей художественной завершенности варианты и представляющие собой калейдоскоп мотивов. При идентификации сказочного материала с сюжетными типами СУС видно, что из популярных сказок общерусского репертуара большая часть широко бытовала и в сибирской традиции, распространены были они и в Прибайкалье. В Прибайкалье зафиксированы редкие в сибирском репертуаре сказки, например, на сюжет 3022 «Смерть Кашея от коня». Не отмечены в СУС в опубликованном русском материале, но зафиксированы в Прибайкалье такие, например, встречающиеся в Сибири сюжетные типы, как 674* «Змеинный камень», 433 В «Царевич-рак (змея)». Последний

в СУС указан только в украинском материале. Но хорошо известный в опубликованном русском материале сюжет 571 «Диво-дивное» для сибирской традиции является редким и в Прибайкалье он не зафиксирован. Многие авантюрные и былинные сюжеты пришли в устный репертуар из лубка, получившего широкое распространение повсеместно в Сибири. Популярны были лубочные сказки СУС 707В* «Бова-королевич» и СУС 650В* «Еруслан Лазаревич», каждая из них зафиксирована в десяти вариантах, а вот сюжет СУС 432 «Финист Ясный Сокол», хорошо представленный в русском сказочном репертуаре в нескольких вариантах, отсутствует в известном прибайкальском материале, как и вообще в сибирском.

Сопоставление набора сюжетов репертуаров переселенцев одинаковой исторической судьбы (первопоселенцы одного периода заселения, выходцы из северно-русских губерний Европейской России) не дает выраженных закономерностей формирования локальных сказочных репертуаров. Сказковедение опоздало с выявлением путей прихода русской сказки в регион и истоков формирования местной традиции, поэтому и остаются без ответа многие вопросы, например, почему тот или иной сюжет восточнославянского фонда, не зафиксированный в русском материале в других местах, обнаружен в отдельных локальных репертуарах в Сибири.

Всё сказанное свидетельствует о типичности и в то же время уникальности сюжетного состава прибайкальского репертуара по отношению к восточнославянскому сказочному фонду. Уникальность прибайкальских сказок проявилась в формах разработки широко распространенных повсеместно сюжетных тем. При анализе сказок одного и того же типа обнаруживается многообразие вариаций традиционной темы и стиливого оформления содержания. Наглядный пример редкого сочетания шести сюжетов, искусно сплетенных в одном сказочном повествовании, представляет сказка «Иван Вдовин», записанная в 1981 и 1982 гг. от баргузинского сказочника И. И. Гаськова. Новое сюжетное образование, включающее различные сюжеты (или их отдельные элементы), не нарушило целостной

системы повествования, в нем в полной мере соблюдены композиционные и стилевые закономерности народного сказкотворчества.

Итак, анализ текстового материала локальной традиции Прибайкалья и идентификация сюжетно-мотивного содержания реальных сказочных вариантов и версий с восточнославянским фондом показали, что круг сюжетов и мотивов местного сказочного репертуара соотносим прежде всего с сюжетным составом сибирских сказок. Сюжеты прибайкальских сказок сопоставимы с сюжетными типами восточнославянского сказочного фонда и в то же время отражают локально-региональное — восточно-сибирское — своеобразие. Генетические связи фольклора более прочные по сравнению с историко-культурными региональными связями. Несмотря на территориальную отдаленность от метрополии, специфичность бытования, наличие рядом иноэтнической среды, русская сказка Прибайкалья и по форме, и по содержанию принадлежит восточнославянскому сказочному фонду. Даже бурятские сказки в устах русских сказочников (в том числе ясашных) носили чисто русский характер не только по языку изложения, но и по отраженному в них мировосприятию.

Изменились конкретно-исторические обстоятельства, сформировавшие в прошлом сильную сказочную традицию Восточной Сибири. Исследователи хотя и застали в Прибайкалье активную жизнь волшебных сказок, исчезнувших повсеместно раньше других видов, но и здесь отмечают их подверженность процессам трансформации. Из репертуара выпали сказки волшебные, по-прежнему распространены сказки сатирико-бытовые, анекдоты. В конце прошлого века можно было еще наблюдать традицию бродячих сказочников в живом ее проявлении. В 1928 г. А. В. Гуревич уверенно констатировал: «На берегах Байкала сказка живет давно, и условия ее бытования непоколебимы» [Азадовский 1928, 133]. В 1980-х гг. об обстоятельствах бытования сказки говорили в прошедшем времени. В 1981 г. в том же Баргузинском р-не мы пытались выяснить, сохранилась ли почва для бытования сказок промысловиков. По свидетельству местных жителей, охотники, объединенные в «Охотпром», охотятся поодиночке, в их распоряже-

нии транспортные средства, следовательно, охота теперь не способствовала сохранению сказочной традиции. О судьбе сказочной традиции среди рыбаков рассказывали жители с. Байкальское Северо-Байкальского р-на: «*Кононенко Анатолий, ой, сказки рассказывал! Слушали их. Где-нибудь в бригаде, на неводах. Сети или невод придется ставить, ну, катком от них катались. Один сказки — так, другой — эдак. Ой, весело было! Теперь с катера сети мечут, а раньше всё на гребях, всё на гребях*» (Зап. от А. С. Безотеческих, 1918 г. р. 1978 г. Соб. Р. П. Матвеева) [ЛАА].

Существенный вклад прибайкальские сказки вносят в освещение важнейшей проблемы судеб русской сказки, и не только в Сибири. В прибайкальской сказочной традиции в наиболее яркой форме проявились тенденции, присущие русской сказке на исходе ее активного бытия: совмещение традиционной поэтической обрядности с явным олитературиванием стиля, усиление в сказочном действии причинно-следственных связей, психологизма образов, связи с современной действительностью. Огромное влияние на традиционный фольклор, в том числе на сказку, оказали общественно-политические преобразования начала XX в.

Одна из сторон проблемы судеб русской сказки — судьба классического русского фольклорного наследия в условиях тесных жизненных контактов с иноэтнической средой. Народная культура Байкальского региона, прибайкальские сказочники и сказки представили интересный материал для решения этой серьезной фольклористической задачи.

Наши полевые исследования в последней трети XX в. убеждают в том, что прибайкальская сказочная традиция в полной мере разделила судьбу русско-сибирской сказки: яркая жизнь в условиях таежно-промысловой зоны, а также сильно выраженной бродяжье-поселенческой стихии сменилась постепенным затуханием. Ушла в прошлое сибирская сказочная традиция, ушли из жизни прославленные сказочники, рассказы о которых собирателям посчастливилось слышать и в конце XX в., а теперь не осталось и тех, кто слушал их сказки. И все-таки встречи с наследниками прибайкальской сказочной традиции случались вплоть до конца XX в.

Литература

Азадовский 1925 — *Азадовский М. К.* Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925. Вып. 1.

Азадовский 1926 — Отчет Азадовского о летних работах в Тункинском крае. Этнологическая секция в 1925—1926 гг. // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 5. С. 170—173.

Азадовский 1928 — Сказки из разных мест Сибири / под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1928.

Азадовский 1960 — *Азадовский М. К.* Русские сказочники // Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960. С. 15—79.

Астырев 1891 — *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.

Виноградов 1926 — *Виноградов Г. С.* Отчет о работе в Тункинском крае летом 1925 г. // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 5. С. 168—170.

Косыгина 1915 — *Косыгина Б.* Обычай тункинских бурят при отправлении на охоту // Живая старина. 1915. № 1—2. С. 24.

Матвеева 1976 — *Матвеева Р. П.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сорокиной-Магай. Новосибирск, 1976.

Матвеева 1984 — Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост., вступ. ст. и коммент. Р. П. Матвеевой. Новосибирск, 1984.

Памятники 1983 — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск, 1983.

Соболев 1981 — Соболев А. А. Байкальские промысловики о своем фольклоре // Русский фольклор Сибири. Новосибирск, 1981. С. 70—87.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Сокращения

ЛАА — личный архив автора

ХВРК — Хранилище восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Summary. The article presents fairy tale tradition of Baikal region in the context of time and environment, shows the fate of Russian classic tale of life in close contact with alien ethnic environment.

Key words: Russian fairy tales, the tradition of existence, storytellers.

ББК 82.3

УДК 8-343.4(571.6)

Т. В. КРАЮШКИНА
(Владивосток)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Статья посвящена региональным особенностям дальневосточной сказки. Анализируются материалы архива кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, выявляется специфика восточнославянских сказок и сказок иноязычного происхождения.

Ключевые слова: народная сказка, региональная фольклористика.

Исследование регионального устного народного творчества актуально для фольклористики. Большой интерес представляет Дальний Восток, полиэтнический регион, где проживают русские и украинцы, белорусы и корейцы, евреи и татары, мордва и чуваша, эстонцы и латыши, а также коренные народы: нанайцы, удэгейцы, эвены и пр. Многонациональность — отличительная черта данного региона — не могла не найти отражения в фольклоре, в том числе и в таком популярном жанре, как сказка. Изучение сказки народов Дальнего Востока — проблема масштабная, требующая монографического обобщения, поэтому в данной статье освещен лишь один из аспектов обозначенной проблемы, а именно региональные особенности сказок, хранящихся в архиве кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Преимущественно это восточнославянские (или вошедшие в репертуар восточных славян), тексты, записанные на юге Дальнего Востока и на Камчатке, хотя мы обращаемся и к сказочной прозе башкир Приморья.

Одним из первых затронул проблему фольклора дальневосточного региона